ЧЕЛОВЕК

Ежегодник Виртуального Института Человека

Том 5 - 2026 - Номер 1

Серия:

«Философское знание - каждому, понимание - всем»

В номере: **ЧЕЛОВЕК И СМЫСЛ: ФИЛОСОФСКИЙ АВТОНАРРАТИВ**

Автор: **Ашимов И.А.**

Ашимов И.А.

Человек и смысл: философский автонарратив

«Автор»
2026

Ашимов И.А.

Человек и смысл: философский автонарратив / Ашимов И.А. — «Автор», 2026

Данная книга посвящёна авторскому автонарративу философёфа, представленному в необычной форме - от третьего лица. Через образ философа-дервиша раскрывается путь становления личности: от детских переживаний и внутреннего одиночества до профессионального самоопределения, научного творчества и философского осмысления мира.Издание продолжает гуманологическую направленность ежегодника и отвечает целям - всестороннего изучения феномена Человека, его сущности, возможностей, противоречий и перспектив. В центре повествования - человек, исследующий самого себя и окружающую действительность, а через собственный жизненный опыт - фундаментальные вопросы человеческого существования. Рассматриваются феномены личности, свободы, познания, веры и неверия, жизни и смерти, исторической памяти, технологических преобразований и ответственности человека за будущее. Книга представляет собой не традиционную биографию, а философскую реконструкцию жизненного и интеллектуального пути.

© Ашимов И.А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Предисловие. 5
Глава 1. Становление личности философа-затворника: от внутренней тени к свободе. 7
Глава 2. Самопознание и странствие мысли философа-кочевника смыслов. 21
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Ашимов И.А.
Человек и смысл: философский автонарратив

Предисловие.

Человек познаёт мир разными способами. Он наблюдает, сравнивает, сомневается, исследует, создаёт теории и пытается объяснить происходящее. Но существует и другой путь познания - обращение к самому себе. Не к себе как к завершённой личности, обладающей определёнными качествами и социальными характеристиками, а к себе как к непрерывному процессу становления, в котором переплетаются обстоятельства жизни, внутренние противоречия, профессиональный опыт, мировоззренческие поиски и стремление к смыслу.

Настоящий том ежегодника «Человек и смыслы» предлагает именно такой путь. Его центральный материал - автонарратив философа, изложенный от третьего лица. Это обстоятельство имеет принципиальное значение. Автор словно отступает на некоторое расстояние от собственного «Я», чтобы увидеть себя не только изнутри, но и со стороны - как человека, чья судьба может стать предметом философского наблюдения, анализа и интерпретации.

Так возникает особая повествовательная дистанция. Тот, кто переживал события, становится одновременно тем, кто их осмысливает; тот, кто создавал философские идеи, превращается в объект их применения. Биографическое «Я» как будто уступает место образу другого человека - философа-дервиша, странника мысли, наблюдателя человеческих судеб и исследователя пределов человеческого существования. Однако за этим третьим лицом сохраняется авторская интонация, личная память и ответственность за сказанное.

Перед читателем не просто последовательность биографических эпизодов. Это попытка реконструировать внутреннюю логику становления личности. Детские переживания, застенчивость, одиночество, чувство неполноценности, профессиональные испытания, достижения и разочарования рассматриваются не как отдельные обстоятельства, а как элементы сложного процесса формирования человека. В этом повествовании слабость может становиться источником усилия, одиночество - пространством творчества, профессиональный опыт - основанием философского вопроса, а жизненный кризис - началом нового понимания.

Особое место занимает переход от медицины к философии. Опыт хирурга, непосредственно соприкасавшегося с человеческой жизнью, болью и смертью, постепенно перерастает в исследование более широких антропологических и мировоззренческих проблем. Скальпель и мысль оказываются двумя разными инструментами обращения с человеческой реальностью. Один позволяет работать с телом, другой - исследовать смыслы, ценности, заблуждения и границы познания. В этом переходе проявляется не отказ от прежнего профессионального призвания, а расширение самого пространства исследования человека.

Семь образов, раскрывающих различные грани личности, - философ-затворник, философ-кочевник смыслов, философ-эсхатолог, философ-научный фантаст, философ-духовный культуролог, философ-непримиримый антитеист и философ-пограничник пределов - не следует воспринимать как набор независимых характеристик. Это разные ракурсы одной сложной личности, разные способы её присутствия в мире и осмысления человеческого бытия. Каждый образ выявляет определённую сторону интеллектуальной биографии, но вместе они создают многомерный портрет человека, для которого философия стала не только профессией или областью знания, но и способом существования.

Вместе с тем значение этого автонарратива не ограничивается самопознанием автора. Его содержание выходит за пределы индивидуальной биографии. Через судьбу одного человека раскрываются вопросы, имеющие общечеловеческое значение: как формируется личность, что делает человека свободным, почему знание не всегда становится мудростью, где проходят границы человеческого разума, как соотносятся жизнь и смерть, каким образом технологический прогресс меняет человеческую природу и что необходимо сохранить в человеке перед лицом будущих преобразований.

Именно здесь индивидуальная история приобретает гуманологическое измерение. Личность философа становится своеобразной исследовательской площадкой, на которой проверяются идеи о человеке. Она не предлагается в качестве универсального образца или законченной модели. Напротив, её противоречия, сомнения, внутренние ограничения и неоднозначные решения позволяют увидеть человека без идеализации - как существо незавершённое, уязвимое, способное ошибаться, но одновременно способное к самопреодолению и созиданию смыслов.

Такой подход соответствует целям и задачам Виртуального Института Человека (ВИЧ), учреждённого нами. Институт рассматривает феномен Человека как центральный предмет междисциплинарного и философского исследования. В этой перспективе изучение конкретной личности не является отступлением от общей гуманологической проблематики. Оно, напротив, позволяет приблизиться к ней через живой человеческий опыт, соединяющий биографическое, психологическое, социальное, профессиональное, культурное и философское измерения.

Возможно, главная особенность этой книги заключается в том, что её герой не стремится предстать перед читателем человеком, который уже нашёл все ответы. Его путь остаётся открытым. Он продолжает сомневаться, переосмысливать собственные убеждения, возвращаться к прошлому и искать новые горизонты понимания. В этом смысле автонарратив становится не итоговым отчётом о прожитой жизни, а продолжающимся диалогом человека с самим собой и с миром.

Читателю предлагается не только познакомиться с интеллектуальной биографией философа, но и задать собственные вопросы: насколько человек знает самого себя? Может ли он превратить свои ограничения в источник развития? Всегда ли достижения означают обретение внутренней свободы? И что остаётся от личности, когда исчезают привычные социальные роли, должности и внешние признаки признания?

В конечном счёте эта книга - размышление о Человеке через историю одного человека. Историю, в которой личное становится способом говорить об общем, а автонарратив превращается в форму философского исследования. Ведь познание человека начинается не только с изучения других, но и с мужества внимательно всмотреться в самого себя.

Академик М.А.Сагымбаев
– председатель веб-редакционного совета ВИЧ

Глава 1. Становление личности философа-затворника: от внутренней тени к свободе.

В отдаленном горном ауле, затерянном среди гор, ветров и тишины, жил обыкновенный мальчик. Его детство текло спокойно и незаметно, как тонкая горная речка, пока однажды жизнь не изменила направление. Семья переехала в районный центр, и мальчик оказался в новой школе - русской. С этого момента в нём будто что-то надломилось, как будто мир вдруг отвернулся от него. Он стал тихим, робким. В нем поселилась грусть, скованность и неуверенность. Он замкнулся, стал раздражительным, угрюмым, потерял интерес к учебе.

Родители и учителя заметили перемену, но не сразу поняли её глубину. Завуч школы, женщина редкой педагогической чуткости и жизненной мудрости пригласила мальчика к себе в кабинет. Он долго молчал. Но затем, будто преодолевая внутреннюю стену, он тихо сказал: «Я больше не хочу идти в свой класс. Я устал от насмешек, от того, что меня не понимают. Я чужой из-за не знания языка. Переведите меня в другую школу». В этих словах была боль, которая только начинала осознавать саму себя.

Учительница поняла это сразу, мальчуган оказался на границе своего внутреннего мира. - «Я понимаю тебя, - сказала она мягко. - В тебе сейчас говорит боль. Но запомни: боль - это не только страдание, а это опыт, это то, что формирует человека, раскрывает его скрытые силы. Когда боль приходит, кажется, что всё рушится, но именно в этот момент внутри человека начинает рождаться сила, о которой он раньше не знал. Боль учит терпению, учит мужеству, учит идти дальше, даже когда не видно дороги».

Мальчик слушал слова, которые проникали глубже, туда, где формируется смысл.

- «Ты не злись на своих одноклассников, злись на самого себя. - продолжала она. - Твоя проблема ясна: ты не знаешь языка. Значит - учись, читай, думай, работай. Мир не прощает слабости, но он вознаграждает усилие. Всё зависит от тебя. От твоего выбора. Научись понимать других и управлять собой. Научись успокаивать свой ум, сохранять равновесие. Смотри на жизнь не через обиду, а через возможность».

С этого дня что-то изменилось. Внутри него звучали тихие слова, почти как заклинание: «Я спокоен. Я справлюсь». Он начал работать над собой. Читал много и жадно, наблюдал за людьми, вслушивался в жизнь. Вникая в мир великих людей через книги из серии «Жизнь замечательных людей», он постепенно понимал, что ни один из них оказывается не избежал боли. Напротив, именно боль делала их теми, кем они становились. И тогда к нему пришло первое понимание, что не нужно избегать страданий, а нужно научиться извлекать из них силу. Так в нём начала оформляться внутренняя установка - жизнь - это последовательность испытаний, и каждое испытание - это шаг, если его правильно понять.

Со временем он начал понимать и себя самого. Вот-так к нему рано пришло понимание того, что носит в себе комплекс неполноценности в виде застенчивости, неуверенности, страхов. Но он не стал его отвергать. Он принял его. Более того - сделал его своим союзником. Так этот комплекс стал его тенью. Она шла по жизни рядом, напоминая о слабости, но одновременно подталкивая к усилию. Она стала внутренним двигателем, невидимой силой, которая не позволяла ему остановиться.

Прошли годы. Позади школа, институт. Он стал врачом, затем ученым, философом, писателем, а потом и дервишем. Даже достигнув зрелости, он продолжал углубляться в познании самого себя. Когда ему исполнилось шестьдесят лет он, вдруг, как говорится «встал, выдохнул и ушел» на пенсию, покинув пост вице-президента Академии наук. И вот долгожданная свобода. Его книга «Возвращение к себе», вышедшая спустя год, была не просто книгой, а было движением в обратном направлении: от вершины - к истоку, от знания - к переживанию,

от роли - к сущности. Он снял с себя все титулы и снова стал тем мальчиком, который когда-то стоял перед вопросом: «Кто я?». Но теперь этот вопрос звучал в нем намного глубже.

Вот-так у него возник образ, который можно свести к одной роли – «Философ-дервиш». И с этого момента начинается подлинная история этого необычного дервиша двадцать первого века. Всегда интересно начало пути. В его детском сознании рано и почти незаметно для окружающих зародилось странное чувство - холодное, тихое недоверие к тем, кто находился рядом. Это лишь в самом начале было вспышкой обиды, а потому случайным эпизодом школьных, а позже и студенческих лет. Это чувство оказалось глубоким, вязким, почти неуловимым, как туман, который не рассеивается даже с восходом солнца. Оно укоренилось в нём настолько прочно, что спустя годы, он пытался восстановить утраченные связи, приблизиться к своим одноклассникам, сокурсникам, но всякий раз наталкивался на невидимую преграду. Что-то удерживало его на расстоянии. Возможно, это была та самая застывшая боль - обида робкого, неуверенного мальчика, а позже юноши-студента, однажды замкнувшегося в себе.

Именно тогда, в детстве и юности, он начал возводить вокруг своего сердца и разума невидимую стену. Не крепость в буквальном смысле, а внутренний замок - тихий, закрытый, почти недоступный. И вся его дальнейшая жизнь превратилась в странное, почти интуитивное движение - поиск смыслов, стремление к истине, попытка прикоснуться к чему-то абсолютному - холодному, безличному, но в то же время притягательному своей строгой красотой и гармонией. Одиночество стало его мастерским, а чувство покинутости - топливом для разума. Возможно, именно тогда у него появилась и другая мечта – когда-нибудь построить свою крепость или замок. Он его построит и замок станет его «волчьим логовом», где он напишет основные свои философские труды.

Вот-так с детства он рос молчаливым, замкнутым, склонным к уединению. Общество не привлекало его - он выбирал мир мыслей, где не было насмешек и непонимания. Пока его сверстники играли, шумели, испытывали радость простых детских и юношеских удовольствий, он все чаще уходил внутрь себя. Его взгляд становился рассеянным, будто он видел не то, что происходило вокруг, а нечто иное - неоформленное, но важное. В школе учился посредственно. Учителя раздражались, не понимая природы его отстраненности. Им казалось, что он и есть нигилист. Возможно, он соответствовал этому ярлыку, ибо, его ум действительно жил в другом режиме – сомнении, отрицании, углублении.

Он не столько усваивал знания, сколько переживал себя в мире, который казался ему чужим. Внутри него накапливались обида и унижение - не физические, а интеллектуальные. Дислексия заставляла его больше молчать, слова давались трудно, каждая попытка выразить мысль могла обернуться насмешкой. И тогда в нем родилось решение – тихое, почти незаметное, но судьбоносное. Он решил: если его ранят через слабость - он превратит эту слабость в силу. Если его унижают на поле знания - он станет сильнее именно там. С этого момента он бросился в библиотеку. Читал много, жадно, словно пытаясь восполнить не только пробелы в языке, но и внутреннюю неуверенность и пустоту.

Со временем чтение перестало быть только средством - оно стало пространством формирования личности. Он начал задумываться о своей сути, о природе человека, о том, что делает личность приметной. Так постепенно формировалась траектория его становления как личности, интересующегося философией как средством обучения мыслить, находить и понимать смыслы. Позднее, уже осмысляя свой путь, философ-дервиш создаст свою «Я-концепцию» - сложную, многослойную структуру, включающую различные контексты своего становления - мотивационный, социально-психологический, компенсационный, профессиональный, творческий, философский.

Это будет не просто описанием деталей личности. Это будет попытка создать матрицу своей личности, в которой соединяются: идентичность, мировоззрение, творческое выражение. В центре этой конструкции окажется вопрос, простой по форме, но бездонный по содер-

жанию: «Кто я на самом деле и чем объясняется траектория моей жизни?». Этот вопрос роднит его с традицией экзистенциального самопонимания, где человек становится проблемой для самого себя.

Со временем он приходит к осознанию, что центральной силой его жизни был и остается комплекс неполноценности. Но здесь происходит важный поворот - то, что у многих он является тормозом, у него становится двигателем. Он переосмысляет идеи, связанные с этим феноменом, и превращает его из психологической проблемы в антропологический механизм судьбы. Между тем, это было важной победой этого человека на всех этапах его жизни.

Парадоксальным образом, толчком к самой глубокой и исчерпывающей рефлексии становится, как ни странно, момент наивысшего внешнего признания - избрание академиком сразу по двум направлениям - медицина и философия. Казалось бы, это безусловная вершина. Но именно в этот момент внутри него разверзается кризис: «Разве это была моей главной целью?». В этот период он напоминал волка, воющего на луну – снова тоска, пустота, неопределенность.

Вот-так, успех не принес ясности, а, напротив, обнажил ту же внутреннюю неопределенность, но уже еще глубже. И тогда ему становится очевидным, что внешнее признание не устраняет внутреннюю тень. Но он уже знал, что эта тень не разрушит его, а мобилизует, заставляя его продолжать работать, писать, думать, создавать, искать. Она превращает его жизнь в непрерывное доказательство - не перед другими, а перед самим собой. Так формировался особый тип личности - компенсаторно-творческий человек. Теперь он не ищет славы, а ищет смысл, понимая, что времени у него остается все меньше. И его внутренняя формула жизни звучит как в известной советской песне: «Ты только не взорвись на полдороге. Товарищ сердце!».

Его внутренний мир формировался в большей степени под влиянием книг. Но они не только вдохновляли, они обнажали разрыв. Герои - сильные, решительные, свободные, умные, мудрые становились для него не образцом, а зеркалом, в котором он видел собственную несоразмерность. Литература усиливала его внутренний конфликт, показывая кем можно быть и одновременно напоминала, кем он пока не является. Уже будучи писателем он создаст свой литературный прототип в лице персонажа многих его произведений – это профессор Каракулов. Именно его образ является тем кем ему хотелось бы стать по жизни.

Под очевидным влиянием своей «тени» - комплекса неполноценности он всегда жил в режиме постоянного напряжения - как будто всегда должен превзойти самого себя. И в этом возникает ключевой узел его личности - человек формируется не только мотивацией, но и внутренней борьбой с самим собой. В этом контексте, тень перестает быть просто психологическим явлением, становясь энергетическим центром его личности. Но центром двойственным - она может созидать, но может и деформировать. Именно эта двойственность в равновесии придает его образу философскую глубину.

Если попытаться собрать весь его портрет, становится видно: перед нами не просто человек, а процесс - процесс становления через дефицит, противоречие, попытку понять себя. В его голосе не только холодная аналитика ученого, абстракция философа, воображение писателя, но и сомнения простого человека. В нем звучит усталость, но и упорство тоже. Он не отказался от мысли, даже когда она не дала ему окончательных ответов и потому становится ясно, что невозможно описать этого философа-дервиша в завершенной форме. Любая попытка сделать это превращается в эксперимент - попытку реконструировать свое «Я», которое изначально не поддается окончательной фиксации.

Он сам признает, что его комплекс - это не эпизод, а судьба. Он формирует мотивацию, поведение, выбор, творчество, философию. Но при этом важно другое - этот комплекс не только разрушает, он накапливает внутреннюю силу, создавая своеобразный «моральный капитал». Его жизнь не всегда подчиняется строгой логике здравого смысла. Многие решения, поступки, поведения иногда спонтанны, наивны. Зачастую границы между выбором и обстоятельствами у него размыты и потому возникает новая модель человека - человека как пересе-

чение внутренних импульсов и внешних сил, которые он не полностью контролирует. Это и создавало мольву о нем как о «человеке-загадке».

И здесь возникает главный парадокс. Создав автопортрет - «Моя тень», а это своя «Я-концепция», он пытался, но не смог до конца понять себя. От того и вечная тоска и какое-то чувство вины. Он терялся в догадках: откуда они? Где-то в глубине души жили сомнения. Да! В свое время так и не смог переубедить академическое сообщество сохранить русский язык как язык науки, то есть не покидать русскоязычное пространство для науки страны. Да! В свое время не смог переубедить научно-медицинское сообщество наладить системное противодействие тенденциям снижения гуманитарного потенциала медицины и здравоохранения. То есть не игнорировать советскую модель здравоохранения в стране. Да! В свое время, не смог доступно и результативно переубедить общество о грядущих угрозах и вызовах современности, пережив в душе «трагедию Кассандры».

Ему казалось, что вроде многого достиг, понял, принял. Но чувство того, что самопознание не завершилось, а лишь углубилось, сохранилось. Его «Я» продолжает ускользать и тогда становится ясно, что его философия - это не ответ, а форма бесконечного вопроса. Он пишет, чтобы зафиксировать себя во времени, чтобы не исчезнуть полностью. Но даже текст не гарантирует сохранения. Он может быть не прочитан, либо не понят, либо понят иначе. И в этом - тихая трагедия его мышления. Вот-так, он на своем примере дает миру понять, что трагедия такого типа как «неосознание происходящего» характерно для абсолютного большинства людей и в этом его гамлетовская трагика судьбы. Эти мысли звучат в его книгах «Моя тень», «Я – это Я».

В жизни он искал не только смысл и истину. Он искал преображение. Он хотел стать больше, чем был - преодолеть свою тень, но в этом стремлении он пришел к неожиданному выводу - тень нельзя уничтожить. С ней можно только жить. И, возможно, именно поэтому он выбрал одиночество. И тихий голос философа-дервиша говорит: только в этом одиночестве, в этом напряжении мысли, человек находит либо свой свет либо свою тьму. В этом контексте, уже не кажется странным его призывы к людям «Позвольте себе немного одичать», «Вслушивайтесь в самого себя в тишине совести», «Почувствуйте человеческую ношу долга и ответственности».

Общеизвестно, личность не существует вне социального зеркала. Человек видит себя в отражениях других людей, в их реакциях, в их признании или молчании. Но бывает так, что это зеркало оказывается искажённым или слишком холодным. Тогда между человеком и обществом возникает расстояние, которое трудно преодолеть. Именно такой опыт постепенно складывался в жизни философа-дервиша. Переживание застенчивости, ощущение чуждости и внутренней социальной неприспособленности сформировали у него двойственную реакцию. С одной стороны, из-за комплекса неполноценности он остро нуждался в признании, в подтверждении своей значимости, а с другой - интуитивно избегал среды, где это признание должно было происходить.

Так, возможно, в этом парадоксе возникло у него внутреннее напряжение, почти незаметное со стороны, но определяющее многие его поступки. Оно проявлялось в сомнении «не занял ли чужое место?» даже тогда, когда был избран академиком. Оно проявлялось в склонности к конформизму, в стремлении не вступать в открытые конфликты, в осторожности, это и соглашательство, и покладистость. В глубине души жила боязнь вызвать неприязнь или отторжение. Поэтому баланс между стремлением к признанию и готовностью принять его так и не сложились. Это было его болью и страданием. Для него дислексия плюс комплекс неполноценности и малодушие стали не виной, а бедой человека. Отсюда понятно его сознательный выбор одиночества.

Перед нами человек, который еще с детства и юности одновременно нуждался в людях и не мог быть среди них так, как принято. Это был внутренний разрыв - желание принадлежать и

невозможность быть «как все». Одиночество в этой ситуации стало не только защитой, а стало способом самосохранения. Именно здесь его «тень» приобрела новое измерение. Она перестала быть только внутренним психологическим феноменом и превратилась в социальную тень - пространство несовпадения между «Я» и «другими». В этом несовпадении постепенно оформился один из фундаментальных мотивов всей его философии: «человек зависим от признания, но обречён на неполное признание». И, возможно, именно в этой трещине между потребностью и невозможностью развивается личность.

Важен здесь и сам аналитический ход, к которому он приходит позже: комплекс неполноценности может выступать не только как травма, но и как адаптационный механизм. Он позволяет человеку сохранять своё место в социальной системе, но ценой внутреннего самоограничения. У философа-дервиша действительно наблюдался дефицит социального внимания. Однако не менее верно и то, что он сам нередко избегал этого внимания. Он чурался публичности, лишних чествований, наград, званий и должностей. С течением времени в его жизни произошёл один из тех поворотов, которые кажутся окружающим странными, но внутренне оказываются закономерными.

Трудно представить человека, который большую часть жизни посвятил борьбе за признание, научный статус, звания, место в академической иерархии, и вдруг однажды отказывается от всего этого. Причём не из-за поражения и усталости, а из-за неожиданно ясного понимания того, что многое из того, что казалось важным, на самом деле эфемерно. Представьте картину: известный учёный, имя которого упоминается в научных новостях, человек, занимающий значимые позиции в академической структуре страны, в ранге главного ученого секретаря, а затем вице-президента, внезапно покидает эту систему. Он уезжает в свой замок в горах и начинает жить так, словно десятилетия гонка за степенями, титулами и вакансиями были лишь длинным эпизодом, почти недоразумением.

Окружающие называют это чудачеством. Но те, кто понимает природу этой личности, видят в этом не случайность, а логическое завершение внутреннего пути. Это было пробуждение, отказ от иллюзий, отказ от социальных правил, которые он никогда по-настоящему не принимал. Со временем он понял одну важную вещь - настоящая свобода для человека науки и творчества начинается не с контроля над другими, а с контроля над собой - над своими желаниями, амбициями, страхами, над той внутренней пустотой, которую многие пытаются заполнить внешними достижениями. В этом поступке проявилась сущность философа-дервиша. Он пришёл к убеждению, что стремление к чрезмерно насыщенной и внешне успешной жизни не всегда свидетельствует о силе и яркости личности. Иногда это лишь признак глубокой внутренней их неуверенности. Поэтому переход к упрощенной жизни оказался для него не поражением, а самым разумным решением зрелого человека.

Социальный мир, как он наблюдал его, построен на культе усложнения. Это бесконечная выставка чужих успехов, где каждый демонстрирует тщательно отредактированную версию своей жизни. Иллюзия становится нормой. Человек начинает служить тому, во что вложил силы - престижу, статусу, репутации, символам признания. Научная среда, особенно академическая, не исключение. Дрес-код науки, ученые степени, титулы, борьба за влияние, скрытые интриги - всё это неизбежно влияет на свободу и достоинство настоящего исследователя.

Философ-дервиш со временем начал понимать зрелость иначе. Не как способность произвести впечатление, а как способность освободиться от зависимости от впечатлений. Он пришёл к выводу о том, что люди настолько заняты собственными тревогами и комплексами, что редко действительно замечают друг друга. Возможно, именно поэтому он выбрал проактивную жизнь, в которой отсутствует зависимость от чужого внимания, одобрения и поддержки. Он постепенно отдалился от интриг, имитаций и вынужденных компромиссов, которыми часто насыщена научная среда. И это было не бегство, а освобождение.

Давно известно, что чем больше зависимостей у человека, тем меньше у него свободы. Философ-дервиш всегда тяготел к простоте. Его жизнь строилась на собственных силах, и именно этим он гордился. Если в молодости он стеснялся своей простоты и относительной бедности, то с возрастом начал видеть в этом даже достоинство. Он всё больше склонялся к своеобразной диогеновской честности - жизни без масок и демонстраций. Он понял: человек, не зависящий от публичной репутации, не боится её потерять. Когда-то он стремился к признанию, участвовал в гонке за статусом, доказывал свою профессиональную значимость. Вот-так со временем всё это растворилось, освободив огромный запас внутренней энергии для настоящего творчества.

После ухода в тишину его жизнь, безусловно, изменилась. Потребности стали минимальными, почти аскетическими. Энергия ума и воли была направлена на творчество и философскую работу. Это означало радикальное переосмысление самой идеи успеха. Люди знают, что даже сделав в области философии три научных открытий мирового порядка он не стал носится с ними как с драгоценной торбой. Что такое успех? Его ответ оказался неожиданным - успех - это степень автономии человека. Когда человек отсекает лишнее, он получает возможность сосредоточиться на действительно важном. Для философа-дервиша этим важным фактором стала работа мысли в тишине и осознание конечности собственной жизни. Простая жизнь не означала отказа от амбиций, а означала изменение их смысла - не владеть больше, а быть свободнее. Не производить впечатление, а создавать ценность. Не кичится своими достижениями, а превзойти самого себя. Не накапливать богатство, а накапливать опыт, знания и мудрость.

Ещё в молодости он начал понимать, что честность важнее видимого успеха. Важнее жить в соответствии со своими возможностями и убеждениями, чем создавать ложный образ благополучия. Со временем он осознал и другую истину - человеку необходимо уметь фильтровать своё окружение. Не все люди способны понять чужой путь. Некоторые равнодушны, другие мешают, третьи тянут назад. От таких людей нужно отдаляться. Отдаляясь от таких людей, однажды он очутится в полном одиночестве. Но все это не из гордости, а из необходимости сохранить внутреннюю энергию. Оставаться рядом стоит лишь с теми, кто понимает и поддерживает развитие личности. Если разочарование во взаимности приводит к рационализации одиночества, то такое одиночество становится уже не случайностью, а осознанной стратегией.

Здесь возникает тема дервишества - ключ к пониманию его образа. Как известно, дервиши - это последователи суфизма - мистического направления в исламе. Это люди, выбравшие путь добровольной бедности, духовного поиска и внутреннего преображения. В средние века о них ходило множество легенд, но в центре этих историй всегда оставалась одна идея - поиск смысла. На протяжении истории человечество стремилось понять невидимое. Там, где власть не давала ответов, а религиозная догма ограничивала вопросы, возникали закрытые сообщества мыслителей и искателей.

Вообще, в исламском мире можно выделить два величайших, но разных, глубоко противоречащих друг к другу феномена это орден ассасинов и суфийские тарикаты. Если ассасины действовали скрытно - через стратегию и силу, то дервиши шли путём внутреннего очищения. Если ассасины выходили из тени с кинжалом, то дервиши - с молитвой. Если ассасины молчали, чтобы ударить человека, то дервиши молчали, чтобы услышать самого себя. В современном мире эти два архетипа человеческой воли получили искаженные восприятия - ассасинов как изощренных убийц, а дервишей как бессмысленно крутящихся в экстазе танца.

Между тем, дервиши – это мусульманские монахи, ученые-мистики от суфизма. Суфизм возник на фоне великого расцвета науки и философии. Города вроде Багдада, Нишапура, Балха, Дамаска и Каира становились настоящими лабораториями мысли. Когда люди переставали находить ответы в строгих догмах, они обращались к символу, тишине, внутреннему опыту дервишества. Дервишами становились не только глубоко верующие люди, но и творческие личности, среди которых были мудрецы, ученые, поэты, писатели.

Человек вступает на путь дервиша добровольно. Это странствие не географическое, а внутреннее. Здесь истина познаётся не только разумом, но и сердцем. В основе суфийского мировоззрения лежит радикальная идея – познать мир и Бога через ритуалы, поэзию, размышление, дыхание, молчание, когда человек постепенно освобождается от лишнего, вплоть до привычного «Я». Задача дервиша-суфия - жить свободно, не растворяться в суете жизни. Поэтому дервишество стало мостом между народной жизнью и абстрактной теологией, стал прибежищем для тех, кто устал, ищет, сомневается, познает.

Сегодня феномен дервиша почти исчез из социальной видимости. Но в мире, уставшем от шума и перегрузки, этот образ снова приобретает значение. И именно это доказывает философ-дервиш. В философии, психологии, литературе дервиш возвращается как символ человека, который сумел сохранить центр собственной личности. Дервиш прост в одежде, тих в голосе. Он не воюет с внешним врагом - его борьба происходит внутри. Его оружие - тишина. Его пространство - сердце. Вот-так философ-дервиш живёт между двумя полюсами: человеческой слабостью и человеческим величием. Для него даже смерть - не конец, а переход, способ преображения.

Итак, парадокс дервиша прост и сложен одновременно - стать собой, отказавшись от себя. Он часто молчит так, чтобы это молчание было услышано. Его цель - преодолеть двойственность бытия и раствориться в более глубокой реальности. Люди, знакомые с творческим путём философа, постепенно начали замечать сходство. Его мысли, сложные и порой парадоксальные, напоминали дороги на карте - извилистые, неожиданные, но ведущие к центру. Его мышление было свободным, непредсказуемым, иногда даже дерзким. И постепенно стало ясно, что стиль его жизни и мышления удивительно близок к пути дервиша. Так он и стал дервишем - по мысли, по чувству, по судьбе.

Так, возможно, возникал в голове философа образ дервиша, под влиянием которого формировался уже дервиш двадцать первого века - человека, который в эпоху сверхкоммуникаций и бесконечного шума интуитивно нашёл своё внутреннее «я», отгородился от социальной суеты и почти исчез для общества, чтобы продолжить свой главный труд - работу мысли и творчества. Так он становился сам тем самым дервишем – не ученым-суфием в буквальном смысле, а философом, принявшим путь дервиша, человеком, живущим принципами дервишества. Дервишизм – это восприятие религии как философию и, наоборот, философию как религию.

Вообще, суфизм зародился под влиянием различных философских учений включая гностицизм, неоплатонизм и манихейство. Еще в шестидесятые годы до нашей эры в мусульманстве появилось оппозиционное течение захидов-отшельников, которые отвергали роскошь и богатство, предпочитая вести аскетический образ жизни. Со временем оно приобретает новые черты - тенденцию к самонаблюдения и контролю за своим психическим состоянием. Они пытались понять как поступки человека связаны с его внутренними намерениями, что происходит с человеком когда он находится в состоянии полного исчезновения эго. Так слагался внутренний путь суфийского дервиша.

Итак, суфизм не является ни деизмом, ни атеизмом, поскольку деизм. Суфии верят в бога, который находится в его самом – внутри и вокруг него. То есть истинная мечеть и вера суфия в его сердце. Дервиши – это члены суфийского братства, которые считают своей единственной моралью - искать истину, смыслы. В этом контексте, суфизм - это школа внутреннего прозрения, а потому практиковать его могут даже люди не обращенные в ислам.

Дервиш – это человек, вступивший в путь укрощения своей души, проявить собственные внутренние состояния на пути к абсолютной реальности. Ему предстоит сначала заняться самоанализом, научится выражать свои слова и намерения с глубоким размышлением. Для них важно «слово от сердца», а это означает не просто поверхностная искренность, а внутренняя

правдивость и честность. Дервиш берет на себя ответственность за то, что он говорит и делает и в этом контексте его принятие направлено лишь на внутреннюю трансформацию.

Основная цель дервиша – держать свой желания (нафс) под постоянным контролем, самосовершенствоваться. Дервиш, преодолевающий такие состояния души, как высокомерие, гнев и зависть, и формирующий каждое свое поведение с внутренним миром и правдивостью, избегает любой ситуации, требующей извинений. В суфизма поговорка «Дервиш не извиняется» относится именно к такому поведению и духовно-этическому пониманию. Путь дервиша – это желание превзойти себя посредством внутренней трансформации и приблизиться к Истине. Цель этого путешествия – противостоять своей сущности, сдерживая свое эго, желания и мирские амбиции.

Дервиш – путешественник, стремящийся найти покой в своем внутреннем мире, несмотря на трудности мира. Одна из тайн этого пути в том, что он знает, что все, что с ним происходит, исходит от Истины. Дервиш принимает случайность и судьбу, ищет мудрости во всем, что происходит. Сегодня, когда люди теряются в хаосе, стрессе и депрессии современной жизни, становится более важным принять мирные аспекты суфизма. В этом аспекте, дервишизм следует рассматривать не только как историческое наследие, но и как руководство, которое способствует внутреннему миру современного человека и поиску смысла.

Но вернемся к личности дервиша двадцать первого века. Ещё в подростковом возрасте он начал ощущать странное расхождение между собой и другими. Его сверстники уже обретали очертания будущего: у них появлялись цели, складывался стиль жизни, намечались траектории. Они словно заранее знали, куда идти, и с какой силой ступать на эту дорогу. Он же стоял в стороне - не из протеста, а из внутренней неоформленности. В нём не было ясного жизненного проекта. Было лишь ощущение размытости, неготовности, даже страха перед самостоятельностью. Он не воспринимал себя как цельную личность, а скорее - как фрагмент, ещё не собранный в форму.

Окончание школы не принесло ясности. Там, где у других появлялась воля, у него оставалась тревога. Там, где другие пробовали мир «на прочность», он сомневался в собственной способности устоять. Его выбор профессии не был актом свободы, а был актом необходимости - почти вынужденным решением, продиктованным страхом не состояться и одновременно тихим, едва осознаваемым желанием быть нужным. Так он приходит к медицине. Не как к призванию, а как к возможности удержаться в мире добра, сострадания и человечности.

Поступление в медицинский институт становится первым столкновением с жесткой реальностью профессиональной системы. Здесь уже недостаточно быть чувствительным или добрым. Здесь требуется скорость мышления, точность решений, когнитивная гибкость и предельная ответственность. И именно в этот момент проявляется его главный внутренний конфликт. Внутренне неуверенная личность оказывается в среде, где требуется абсолютная уверенность. С этого момента в нём формируется постоянное напряжение между тем, кем он является, и тем, кем должен быть.

К тому времени он понимал, что самое дорогое у человека – это жизнь. И главный завет клятвы Гиппократа – сохранить жизнь больного, бороться против смерти. Вот почему его выбор остановился на специальности хирурга. Выбор этот был не столько рационален, сколько интуитивен. Его привлекает сама природа этой профессии - непосредственная, почти ручная борьба за жизнь человека. В хирургии нет дистанции: здесь всё решается сейчас, здесь человек стоит лицом к лицу с пределом. Хирургия для него стала не просто ремеслом, а пространством предельной ясности. Здесь невозможно лгать. Здесь каждое движение имеет цену. Здесь ошибка не абстрактна, - она имеет имя, тело, судьбу.

В семидесятые годы, работая хирургом в районной больнице, а позже в восьмидесятые в столичном хирургическом центре, он погружается в человеческое тело, как в сложный текст. Став одним из ведущих хирургов, кому было оказано доверие более двадцати лет руководить

хирургической кафедрой для усовершенствования хирургов, понял, что хирургия для него было, есть и останется настоящем призванием. Нет нужды повествовать о хирургической деятельности этого профессионала высокой пробы, ибо, задачей стоит – прояснять детали личности как философа.

Итак, циклы, курсы, лекции, семинары, показательные операции и так почти тридцать лет жизни и практики. Но однажды в нем происходит сдвиг. Он начинает слышать не только тело, но и смысл. Каждая операция перестаёт быть только медицинским актом, а превращается в диалог с жизнью, с судьбой, с пределом человеческого существования. И тогда возникает вопрос, который уже невозможно игнорировать: а что, если тело - это текст, а хирург - его читатель? И если так, то достаточно ли просто «читать» через скальпель? Или необходимо понимать?

Внутри него начинает расти потребность в другом языке - языке смыслов. Он всё чаще задаёт себе вопросы: почему мы лечим тело, но не исцеляем человека? в чём смысл спасения? Этот переход не происходит мгновенно. Он накапливается и однажды он понимает: его движение к философии - это не бегство от медицины, а её продолжение. Позднее он скажет: «Хирургия - слишком серьёзная специальность, чтобы доверять её только хирургам. Философия хирургам нужна также как бестеневая лампа над операционным столом, освящая уже морально-этические пределы и риски». В этих фразах уже звучала философия.

В своей капитальной монографии “Диалог с самим собой” и трехтомнике “Биофилософия” он напишет о том, что, если раньше он вскрывал ткани, то теперь - смыслы. Если раньше искал патологию в теле, то теперь - искажения в мышлении. И тогда между хирургией и философией исчезает пропасть. Обе дисциплины требуют точности. Обе не прощают фальши. Обе работают на границе. Он формулирует для себя внутренний закон: хирург должен уметь резать, не теряя сострадания, а философ - мыслить, не теряя человечности. И именно в этом «между» он впервые ощущает подлинную целостность.

В этот период к нему приходит понимание, что он - не только хирург и не только философ. Он - переход. Со временем он всё яснее осознаёт, что его выбор хирургии был связан с желанием прикоснуться к предельной драме жизни. Он видел борьбу человека за существование, чувствовал напряжение между жизнью и смертью. Уже потом, став философом он разработает континуум-концепцию АнтиЖизни как состояния существования без подлинной жизненности и АнтиСмерти как преодоления биологического конца через клонирование, регенерацию и перенос сознания. Так он станет неким стражем пределов бытия.

Он вспоминает анатомический зал - место, где истина была лишена абстракции. Там она пахла формалином и кровью, но была ближе, чем во многих философских трактатах. Он понимал, что умирание - это процесс. Не мгновение, а постепенное угасание. Сердце может остановиться, но мозг ещё жив. Мозг может угаснуть, но тело ещё функционирует. Где проходит граница? Этот вопрос не был теоретическим. Он был практическим. И каждый раз, стоя у операционного стола, он сталкивался с этим пределом. Здесь он впервые философски обосновывает необходимость смены пассивного врачебного девиза Гиппократа «Не навреди!», на активный девиз «Спаси обреченного!». Это пришло к нему из-за философского осознания возможностей новых технологий в медицине. Эти мысли изложены в ряде трехтомников «Философия медицины», «Гуманитарные технологии в технологизированной медицине».

Позднее, знакомясь с философией, он встречает идеи, которые пытаются объяснить смерть. Одни утверждают, что она придаёт жизни смысл. Другие, что она его уничтожает. Но для хирурга эти споры звучат иначе. Он знает цену времени. Знает цену ошибки. Он знает, что иногда между жизнью и смертью лежит несколько минут и рука. Он как хирург спас свыше трех тысяч людей и каждый случай был для него встречей с пределом. Но со временем для него возник новый вопрос: достаточно ли этого? Можно ли считать спасение тела окончательной победой?

На этом фоне, ему показался просто кощунством такое явление как эвтаназия, утверждающая новую идеологию - смерть становится проектируемым феноменом. Свет увидел ряд обличительных, по сути, книг: «Смерть! Прошу не опоздай», «Как умирать? По новому или по старинке?», ряд монографических его работ: «Кибернетическая биовласть», «Смерть как проектируемый феномен». В этих книгах он впервые создает Манифест против использования медиков в реализации добровольной смерти. Об этом будут сообщения в СМИ, Конгрессах, конференциях.

Некогда академик Николай Амосов писал: «Хирурги – лучшие из врачей, так как они ближе к смертям». Да. Он прав. Хирурги как никто знают то, что умирание - это не точка мгновенного исчезновения жизни, а процесс, растянутый во времени. Сначала останавливается сердце, потом угасает дыхание, потом клетки мозга начинают гибнуть одна за другой. В какой момент заканчивается жизнь и начинается смерть? Когда останавливается сердце, но мозг ещё работает, когда прекращается активность коры, но ствол мозга ещё функционирует, когда последняя клетка теряет способность к метаболизму. И на этом сверхкоротком периоде хирург пытается использовать каждый шанс на то, чтобы вернуть жизнь человеку. Такие мысли изложены в ряде книг: «Грани отчаяния», «Рискология», «Нерегламентированная безопасность». Квинтэссенция его медико-физиологических идей – попустительство смерти – это предательство и эвтанизация в чистом виде, а главная цель общества – переформатировать направление в пользу компенсационной медицины.

Вместе с тем, он все глубже начинает понимать то, что хирургия не всесильна в условиях развития компенсационной медицины. Вопрос о пределах хирургии постепенно разрушает прежнюю уверенность. Он начинает отходить от хирургии - не сразу, не резко, а постепенно. Он уходит не от профессии, а от её ограничений. Его переход в философию - это внутренний прорыв. Это попытка расширить границы понимания – от «кровавого» подхода к физиологической коррекции и компенсации, а оттуда к философском подходу к процессу лечения вообще.

Если в молодости его называли нигилистом - за прямоту, за отказ принимать условности, то тогда его начали называть «человеком наоборот» из-за того, что избегает того, что приносит выгоду. Но в действительности это не отрицание ради отрицания, а это поиск. Он отказывается от успешной медицинской карьеры не потому, что разочаровался в медицине, а потому, что не захотел терять себя. Особенно остро это проявляется в девяностые годы, когда в медицину приходит рынок. Гуманизм уступает место расчёту. Пациент превращается в источник дохода. В хирургию хлынули мошенники, ловкачи и пройдохи. Он не может принять это. И уходит. Не из слабости, а из невозможности предать внутренний закон.

Вот-так он уходит, чтобы сохранить себя как врача. Он понимает, что лучше оставить профессию, чем потерять её смысл. Позднее он скажет, что хирургию о считал святой, а операционную воспринимал как алтарь, где он жертвовал собой - нервами, силами, сомнениями. И именно оттуда он вынес главное - жажду смысла. В этом контексте, философия, куда он переместился становится продолжением этого опыта. Теперь он работает с другим материалом - с идеями, иллюзиями, заблуждениями. Но принцип остаётся тем же - исправлять искажения.

В двухтысячные годы он постепенно отдалялся от скальпеля, все больше погружаясь в философские идеи, концепции, теории. Так постепенно сам становился мыслью, но с памятью боли и ответственности. То есть осознавал, что больше не хирург, но он всё ещё тот, кто помнит, что каждое прикосновение - это присяга, а потому продолжал мыслить в сфере философии с такой же решительностью и ответственностью как хирург, но как хирург в операционной постепенно учился обращаться с мыслями без права на излишнюю поспешность, соблюдая принцип глубокого сострадания, жертвенности, человечности.

Так или иначе его переход из медицины в философию был внутренним прорывом, но не бегством от нее. Этот тезис ключевым образом определяет в какой-то мере уникальность

его пути, представляя жизненный выбор не как отступление или уклонение от трудностей, а как фундаментальный акт самопознания и следования глубинному внутреннему зову. Действительно, будучи опытным практическим хирургом, доктором медицины, заслуженным врачом, прошедшим путь от районной хирургии до многолетней педагогики хирургии на кафедре для усовершенствования хирургов страны, наперекор медицинской и педагогической карьере, что у него была примечательной и рисовалось на горизонте еще ярче, он меняет медицину на философию.

Теперь, когда он уже не хирург, а философ, оборачиваясь назад, он понимает, что раньше он спасал тело, то теперь - смысл. И в этом нет разрыва, а есть развитие. Он понимает, что скальпель и мысль - это два инструмента одной работы. Один работает с плотью, другой - с истиной. Он оказывается на границе - между жизнью и смертью, между знанием и незнанием, между уверенностью и сомнением. И именно здесь формируется его окончательный образ. Человек, который прошёл через профессию как через испытание, не растворился в ней, но вынес из неё опыт предела, то есть, что не принадлежит ни одной системе.

Вот-так поиск глубинных смыслов привел его к философии. Между тем, это прорыв к более глубокому пониманию мира и себя. Если Николай Амосов о хирургах говорил, что они лучшие из врачей, так как они ближе к смертям, то сейчас он может говорить о том, что «философы – лучшие мыслители, ибо, всегда близки к проблеме истины и смысла». Когда он начал вплотную вникать в дебри философии, анализировать, делать выводы, а позже уже писать философские тексты о философии хирургии, ему казалось, что он просто поменял инструменты: если раньше он вскрывал и сшивал раны, ткани, органы, теперь - вскрывал и сшивал смыслы, если раньше он искал патологию, теперь - иллюзии, искажения, заблуждения.

Вот-так приходило к нему новый интервал абстракции и ощущение того, что всё же, между хирургией и философией больше общего, чем кажется. Обе требуют точности, обе не прощают фальши, обе сталкиваются с конечностью, обе могут привести к прозрению. В своей докторской диссертации по философии он сформулировал тезис о том, что настоящий хирург - это тот, кто умеет резать, не теряя сострадания, а настоящий философ - это тот, кто умеет мыслить, не теряя человечности. В этот момент он понимал, что он больше не боится быть ни тем, ни другим. Он - между и, возможно, именно там, в этом «между» - он был самым настоящим собой – предельно живым и нужным.

Сейчас ему вспоминается, почему выбрал специальность хирурга, взял в руки скальпель. Может с уверенностью сказать, что в хирургии он прозрел настоящую драму вокруг борьбы человека за жизнь, а также прочувствовал весь драматизм борьбы человека против смерти. Кем он был тогда? Просто хирургом или же философом? Лишь с вероятностью он может сказать, что он был тем и тем. Став философом, он уже мог на философском уровне оценить не только свой выбор, но и свое первое ощущение и восприятие смерти в анатомическом зале, где истина пахла формалином и кровью, но была ближе, чем во всех трактатах.

В хирургии, в операционной он был настоящим, до боли живым. Уже потом, разрабатывая философию предела он во всей глубине понял, что прошёл через горнило непростых испытаний и вынес оттуда не только знания, профессиональную культуру, но и жажду смысла. И в этом не было его отречения от хирургии, а было ее продолжением, но в новом, безусловно, высоком и широком познавательном поле. По его мнению, хирургия и философия - не противоположности, а родные формы обращения с истиной. В хирургии он учился видеть патологию и удалял ее, а в философии он учился видеть ложное и исправлять искажения. Если в первом случае он спасал тело, то во втором - смысл. В обоих случаях он был на границе: между жизнью и смертью, между знанием и незнанием, между уверенностью и сомнением.

Отсюда можно сделать вывод, пусть и пафосное: «Хирург - это специалист-философ, вооружённый скальпелем, у которого нет права на ошибку и времени на рефлексию, но есть долг не навредить ни телу, ни душе». В этом контексте, скальпель и мысль - два лезвия одного

ножа. Если в хирургии хирург идет по границе допустимого и исправляет телесные искажения, то в философии философ идет по грани различимого, исправляя искажения мыслей. То есть и в том, и в другом случае оперируется смысл.

Вот-так, перед нами уникальный и универсальный ученый, который не удовлетворяется ни медицинской, ни физиологической науками. Это ученый обладающим всем признаками настоящего ученого – интроверсией, интуитивностью, аналитичностью. Это личность, существующая на границе дискурсов, ибо, он мыслит не только понятиями, но и образами. Он не доверяет одной логике, но и не отказывается от нее. Это личность, который прошел путь: от переживания себя к объяснению себя к выражению себя к осмыслению самого процесса понимания.

В мире существуют люди, чья жизнь складывается под давлением обстоятельств, и существуют те, чья судьба постепенно выстраивается вокруг некоего внутреннего центра - скрытого, не всегда осознаваемого, но устойчивого. Философ-дервиш относится ко второму типу. Однако это состояние не было изначальным. Он возникал постепенно - через сомнения, через внутренние надломы, через опыт несоответствия самому себе. Он долгое время он жил в режиме адаптации. Но внутри сохранялось едва уловимое напряжение - ощущение, что он не совпадает с собственной ролью.

Постепенно к нему приходит понимание настоящего дервиша: свобода не равна произвольности. Свобода - это способность удержаться от того, что разрушает внутреннюю целостность. Его путь – путь философа-дервиша определяется границами, которые он не устанавливал сознательно, но которые не может нарушить. Эти границы сужают пространство, но делают его ясным. Так возникает различие между двумя формами свободы. Первая - внешняя, зависящая от условий, возможностей, социальных рамок. Вторая - внутренняя, связанная с целостностью личности. Первая может изменяться. Вторая либо присутствует, либо утрачена. И именно вторая становится для него определяющей.

Дервиш не следует внешней логике поведения. Его путь определяется внутренним движением. Его решения могут казаться непонятными, но в них есть своя последовательность - скрытая, но строгая. Философ-дервиш постепенно начинает узнавать в этом образе себя. Он не противопоставляет себя миру. Он просто не растворяется в нём. Его свобода лишена демонстративности. Она не требует подтверждения. И здесь проявляется ещё одна грань дервишества. Дервиш - это не только странник, но и человек внутреннего труда. Труда постоянного, незаметного, лишённого внешнего признания. Труда по удержанию собственной целостности.

Перед нами не просто ученый, который не верит в окончательные истины, в завершенные теории, в закрытые системы. Он существует в особом режиме мышления: не утверждать, а прояснять; не завершать, а открывать; не объяснять окончательно, а удерживать смысл в движении. В этом контексте, философ-дервиш -- это ученый по призванию, который превратил свою жизнь в бесконечный поиск истины, балансируя между логикой и интуицией, между интроверсией и иррационализмом.

Его стремление к такому одиночному образу жизни, отшельничеству, подтверждается строительством собственной крепости-замка. Давайте перенесёмся в его замок, построенный высоко в горах. В своей «башне познания» в глубоком кресле сидит в задумчивости старик, у которого седые волосы, торчащие в разные стороны, словно наэлектризованные его собственными мыслями. Здесь царит аскетизм, но есть порядок. В книжных полках ровными рядами стоят собственные философские книги, число которых превышает за двести.

Мечта о крепости или замке, зародившейся в нем еще в юности, не была капризом его праздного воображения, навеянных сагами Дюма, Стивенсона, Скотта, Дрюона. Крепости, замки рисовались в его воображении не только как бастионы против осязаемых врагов, но и как метафизическое убежище от тревоги, страха, неуверенности. В этом контексте, замок - это не столько защита от внешнего мира, а попытка упорядочить внутренний хаос через архитек-

туру смыслов. Метафора замка позволяет не просто дополнить портрет, а собрать его в единую архитектурную модель, где личность раскрывается не через абстрактные категории, а через структуру, которую она сама создала. В этом смысле замок - это не образ, а онтологическая схема личности.

Его личный замок «Белый аист» выявляет несколько принципиально новых линий и парадоксов. Прежде всего, речь идет о тени, одиночестве, свободе. Если ранее тень была фактором, источником, механизмом, то теперь она становится условием существования личности. Если ранее одиночество выглядело как вынужденное состояние, то теперь оно переосмысляется, принимается, используется как ресурс. Если ранее свобода облегчало существование, то в старческом возрасте, напротив, усложняет, размывает ориентиры, снижает ясность восприятия.

Если интегрировать эти новые элементы, портрет приобретает более жесткий и реалистичный характер. Перед нами уже не просто рефлексирующий субъект, философ, творец, а человек, который продолжает жить в режиме внутреннего максимализма, не отделимый от своей тени, принимает одиночество как форму существования, испытывает устойчивую тоску как двигатель мышления, не достигает полного самопринятия, и в итоге приходит не к решению, а к принятию незавершенности. И именно это придает портрету философскую достоверность: он фиксирует не идеал личности, а реальное состояние человеческого существования - как незавершенного, противоречивого и постоянно интерпретируемого процесса.

Дни проходили в тишине его кабинета, расположенного в «башне познания» личного замка. Так идет год за годом, словно часы, заведённые судьбой. Жизнь нашего философа постепенно превратилось в строго очерченный круг. Внутренняя стенка молчания как и прежде растет год от года. Страсть и философская работа сливались в одно, и из этого странного соединения возникало новое вдохновение. В своем замке он ощущал непроницаемость как наказание и как облегчение. Именно эта двойственность и радовала его.

Его рабочий кабинет в «башне познания» был наполнен книгами и холодом равнодуший окружающих к его деятельности, трудам, мыслям, а в нем самом осталось ощущение того самого мальчугана, который когда-то жил своей мечтой преодолеть когда-нибудь свой комплекс неполноценности. Теперь мечта превратилась в замкнутый круг, и в этом круге он продолжал свой путь вниз к центру своего собственного одиночества. Он напоминал уже уставшего организма, который старательно притворяется живым. Лишь вид его замка вновь и вновь возвращал ему ощущение жизни.

Глядя на свою библиотеку, он уже воспринимал ее не как литературу и научные результаты, а как исповедь свидетельства. На стене в его башне висит его фотопортрет, сделанный для стенда Лауреатов Государственной премии в области науки и техники. Там на лацкане его костюма лишь серебряная и золотая медали Петра Капицы, присужденные ему за научные открытия. Сидя в своей башне он ощущает близость того покоя, которого не удавалось ему найти ни в доме, ни в академии, ни в лавине рукописей. Он все чаще выходил за стены своего замка, разводил ночной костер и подолгу сидел, глядя на танец пламени, размышляя о том, что будет дальше.

Вот-так он превратился в фигуру, овеянную странной тишиной. Люди видели его, опирающегося на трость с бородой и усами в национальном колпаке, печального и уставшего свидетеля эсхатологического мира. Лицо его стало сухим, черты резкими, глаза настороженными. Так выглядел человек, живущий в промежутке между памятью и временем. И всё же на дне этой усталости у него теплилось утешение – он продолжится. Сыновья продолжают его профессию хирурга. Старший сын – кардиохирург, а младший - трансплантолог. Оба стали докторами наук, отличными специалистами каждый в своей сфере деятельности. Его научная школа, насчитывающая свыше шести десятков докторов и кандидатов наук, среди которых один академик и два члена-корреспондента, живет своей жизнью.

Сейчас он отчетливо понимает, что именно опыт раннего одиночества заложил первый кирпичик в стену, которую он позже отгородится от мира. В своей книге «Метафизика тихого конца и начала нового человека» философ, в свои старческие годы становится режиссёром собственного финала – тихого, ровного, самодостаточного. Он сожалеет о том, что философские идеи о технологических и гуманитарных предосторожностях, о которых он писал и говорил, так и не находили отклика у современников. Сожалеет о том, что боль и страдание ему уже не превратить в силу.

Представьте себе того самого застенчивого, тихого, робкого мальчугана, который понял, что боль и страдание являются уроком, опытом для будущей жизни. Он, задетый такой философией жизни отчаянно учился, пахал, не просто писал книги, он вёл войну с самим собой, с миром, с границами того, что значит быть человеком, искал истину и смыслы во всем. Его философия была не рассуждением, а путешествием, где каждый шаг приближал его к чему-то значимому. Он верил, что в этих глубинах скрывается не просто знание, а сила, способная превратить боль и отчаяние в смысл. Его книги отражали не просто философские суждения, они выражали крик, вызов, попытку.

Так или иначе, замок «Белый аист» - это кульминация, момент, когда всё его поиски, всё его страдания, всё его мечты столкнулись в одной точке. Он сам себя заточил в каменную тюрьму одиночества, где в одно мгновения оказался в тени, где истина и смысл ускользает, как тень. Он уже не верил в то, что человек может стать больше, чем он есть, что боль и страдание, как говорила его учительница - это не проклятие, а путь к новому рождению. В этом контексте путь нашего философа требовал от него полной отдачи, полного погружения в те уголки разума, где логика уступает место хаосу.

В своем замке он окончательно превращается в философа-отшельника, в философа-дервиша, образ которого он всегда примерял на себя. Его библиотека личных книг растет, расширяется. Весь его комфорт - безопасно, познавательно, но без риска обжечься. Так он уходил из общества, предпочитая социальную смерть, исходя из принципа: достаточно собственной внутренней теплоты, интеллекта и духовной жизни, чтобы не нуждаться в колючих объятиях общества. Общество постепенно забыло его и никого уже не волновало вопрос: откроет ли он двери своей крепости?

Написание множества книг и есть выход к краю, за которым нет новых книг - только молчание, созерцание, суммирование. В этом аспекте, этот рубеж становится его неким жестом прощания - не с творчеством, а с нуждой доказывать. Мысль о том, что многое было попыткой услышать себя. Книги для него являются формой самослушания, каждая из них - это честная попытка задать себе вопрос и попытка найти ответ на них в тишине такого состояния. У него всегда были сомнения, а услышали ли люди его вопрошания? В свое время он издал монографию «Контуры философии предупреждения человечеству», но знает, что мир занят и нет ему дела до таких предупреждений, попыток не столько изменить мир, сколько дать ему шанс оглянуться. В этом и заключается трагизм этого философа-дервиша.

Глава 2. Самопознание и странствие мысли философа-кочевника смыслов.

У любого человека, прошедшую грань старшего возраста наступает желание обернуться назад и оценить свой жизненный путь. Так и у человека, переживающим шестой десяток лет, ставшим по жизни известным врачом-хирургом, ученым, а позже философом и писателем, обуревали такие же мысли. Вот уже перешагнул шестидесятилетний рубеж. Теперь он пенсионер, отошел от дел, забот, стал свободным как птица. Что дальше? Когда жизнь постепенно отступила от внешней суеты, и он остался наедине с собой, в нём возникло странное желание. Наконец, реализовать свою еще юношескую мечту стать дервишем. Нет Не тем, экзальтированным крутящимся для публики, а тем, кто по настоящему является странником дальних путей.

Вот-так, взяв посох, надев простую одежду, он пошел пешком от столицы к своему родовому селу, что за тысячу километров. Этот путь стал для него не банальным путешествием, а возвращением к себе. Каждый шаг - воспоминание, каждая ночь у костра - размышление и подведение итогов. Он шел не ради дороги, а ради мысли, которых он собирал в пути. И постепенно становилось ясно, что его путь - это путь дервиша. Но, не в буквальном и религиозном смыслах, а в философском. То есть в том смысле, что дервиш - это тот, кто ищет, а кто идет. Кто не привязан. Кто мыслит не только разумом, но и интуицией.

И тогда становится понятным, почему в его книгах появляются дервиши как мыслители и искатели истины. Они не случайны. Они - отражения. Он пишет о них, потому что узнает в них себя. Это дервиши: Широз-бахшы в романе «Тегерек», Хиссо Хошм в романе «Клон дервиша», Захид в романе «Поиск истины», Азиз-кыпчак в романе «Разворот времени». Дервиши в его произведениях - это не персонажи, а формы существования мысли. Это люди, которые живут на границе порядка и хаоса, потому что знают: в каждом порядке есть скрытый хаос, и в каждом хаосе зарождается порядок. И, возможно, именно поэтому он сам всю жизнь, как дервиш находился в движении - между наукой и философией, между рациональным и интуитивным, между знанием и поиском смыслов.

Да! Он как философ-дервиш не принадлежал ни одной системе полностью. Он кочевал между ними как дервиш. Он искал сверхпознание не как мистику, а как расширение человеческого понимания. Он пытался соединить в себе ученого и странника, рациональность и интуицию, логику и внутренний опыт. И потому его мысли всегда были сложными, многослойными, иногда противоречивыми как дороги, которые не ведут прямо, но всё же приводят к цели. Со временем стало очевидно - он не просто писал о дервишах. Он сам стал одним из них - дервишем мысли, судьбы и внутреннего пути.

Возможно, люди, знающие творческий путь этого необычного философа строили догадку о том, что именно сложные, порою парадоксальные и многовариативные, как узоры дорог на карте, мысли были похожи на путь дервиша. Возможно, его мысли – свободные, ничем не ограниченные, непредсказуемые и иногда невероятные, так или иначе олицетворяли сам принцип поведения, стиль жизни и мышления дервиша. Вот-так, он и сам стал дервишем – по мысли, чувствам, разуму, судьбе.

Да! Путь этого философа-дервиша никогда не укладывался в прямую линию. Его жизнь не разворачивалась по привычной схеме - от точки к точке, от этапа к этапу, от достижения к достижению. Напротив, она напоминала движение по сложной траектории, где каждый шаг был одновременно и уходом, и возвращением. Переход от хирургии к науке, от физиологии к философии, от философии к писательству не был последовательным развитием. Это было внутреннее кочевание. Он словно переходил из одной интеллектуальной комнаты в другую, не задерживаясь надолго, но унося с собой свет предыдущей.

По сути, это была особая форма существования - поиск равновесия через смену рамок мышления. Когда одна система переставала удерживать его, он переходил в другую. Причем, не из любопытства, а из необходимости. Так постепенно оформилось ключевое для него понятие - личностная навигация. Он не двигался по заранее заданной карте, а сам создавал её в процессе движения. Каждый поворот требовал перенастройки - мышления, чувств, представлений о себе. Он не следовал пути, а прокладывал его и в этом прокладывании использовал свой главный инструмент - интеллект. Но не как дар, а как усилие.

Со стороны было странным его кочевание не только из одной сферы познания в другую, из одного профиля деятельности в другую, но и кочевание из одной системы в другу. Поведение – «встать, выдохнуть и уйти» стало для него рутинной. Так было, когда он ушел с должности первого проректора Института усовершенствования врачей, так было когда покинул должность начальника отдела естественнонаучных и гуманитарных наук Национальной аттестационной комиссии, так было, когда ушел с должности заместителя директора Национального хирургического центра. Метафорически, в нем жил дервиш, преданный своей дороге, перемене, не смене декораций, а смены профиля деятельности и стратегии жизни.

Он сам признавался, что перемена сфер деятельности и мышление стало для него формой принуждения к цельности. Когда внутренний мир распадался на фрагменты, он собирал его силой мысли. Когда исчезала опора, он создавал её логикой. Его интеллект не был спокойным течением, а был работой. Работой по удержанию себя. Если смотреть на его жизнь извне, она выглядит цельной и даже впечатляющей. Достижения, степени, звания, научные школы, признание - всё это создает иллюзию завершенности. Но если смотреть изнутри, становится видно иное - это не завершённая конструкция, а процесс самосборки. И потому его можно назвать не просто учёным, не просто философом, а интеллектуальным дервишем или иначе кочевником смыслов.

Его перемещения между дисциплинами - это не слабость и не разбросанность, а это способ выживания и форма адаптации к внутренней нестабильности. Он не удерживал себя в рамках одной системы, будь то медицинской, физиологической, философской, эпистолярной, потому что ни одна система не могла вместить его полностью. И именно поэтому отсутствие единой линии не разрушило его стремление к смыслу, а наоборот - усилило его. Смысл становился не данностью, а добычей. Не формулой, а опытом. Примечательно то, что во всех системах и сферах деятельности он оставил приметный след.

Прошли года и теперь, когда у него больше нет скальпеля, в нем осталась ее философия. Возьмем лишь такой пример. В течение многих лет философ-дервиш занимался научной и философской разработкой проблемы пересадки органов. Итоги работ изложены во многих монографических работах. Сотни экспериментов, создание служб, перенос экспериментов клинику. Занимаясь вопросами мультиорганного трупного донорства успешно пытались решить парадокс: «Чтобы орган был пригоден для пересадки, он должен быть живым, но чтобы его можно было изъять, донор должен быть мёртв». Но как это возможно?

Потенциальный донор органов объявляется мёртвым на основании критериев «смерти мозга». Мозг умер, но его сердце продолжает биться, кровь циркулирует, органы живы. Получается, что тело донора одновременно мёртво и живо, то есть донор органов мёртв юридически, но биоэтически жив. Это не игра слов, это реальное противоречие, с которым сталкивается трансплантационная медицина. Ранее изъятие органов – это ранняя, а следовательно, результативная пересадка. В этом контексте, его идея о прижизненном конденционировании умирающего организм – это реальный ресурс для изъятия органов для пересадки после констатации окончательной смерти. Все эти идеи изложены в ряде монографий «Проблемы пересадки органов», «Трансплантология: мораль, право, этика», отражены в положениях Закона «О пересадки органов и (или) тканей», в разработке которого принимал участие.

Если вернуться к началу его пути, можно увидеть, как главный его переход - от хирургии и физиологии в сферу философии только начиналось. В районной библиотеке, среди тихих рядов книг, стояли тома великих мыслителей - Платона, Сократа, Эпикура, Канта. Это был мир, к которому он тогда ещё не имел доступа. Не потому, что книги были недоступны, а потому что разум ещё не был готов. В те годы его захватывали иные пространства: приключения, детективы, путешествия, сражения, миры пиратов и мушкетёров. Позднее к ним добавится фантастика, космос, история, романтика будущего. Все эти миры проникали в него, оставляя следы. Они не только давали системные знания, но самое главное - формировали у него богатое воображение. Что значит такое воображение? Это и способность фантазировать, это быть проницательным по настоящему, что, безусловно, важно для философа.

В школе он не блистал, но схватывал знания быстро. И этого хватало, чтобы не отставать. А после уроков он уходил в свой внутренний мир - мир грёз и возможных жизней. Он был мечтателем по натуре и это качество окажется важнее многих академических способностей. Уже потом, переключившись в писателя он напишет два десятка научно-фантастических и социально-философских сочинений и как популяризатор науки и технологии будет удостоен Государственной премии.

К окончанию школы его выбор профессии выглядел почти случайным. Идея стать врачом казалась привлекательной не как призвание, а как возможность. Он понимал, что со своей застенчивостью и внутренней неуверенностью он вряд ли сможет пробиться в иных областях. Медицина была более определённой, человечной, нравственной. И этот мотив победил. Так он впервые оказывается в столице - во Фрунзе, которая встречает его масштабом - величественные здания, широкие проспекты. Там он теряется, долго приспосабливается и однажды находит тропинку в государственную библиотеку, наполненные знанием, где царит атмосфера интеллектуального напряжения. Там он находит свою отдушину.

В те годы медицинский институт не случайно называли «военно-философской академией с медицинским уклоном». Здесь дисциплина соседствовала с мыслью. Он учится – занятия, семинары, лекции, зачеты и занятия. Но его настоящая жизнь начинается вне аудитории. Он не ищет компании, не участвует в праздных студенческих развлечениях. Его собеседниками становятся книги. На занятиях по философии его поражают идеи Платона, Сократа, Эпикура, Парацельса, Ибн Сино, Аль-Фараби. Они не просто сообщают знания, а просто переворачивают его восприятие. Он начинает задавать вопросы. Много вопросов. Он ищет ответы на них, но понимание не приходит легко.

Философия оказывается глубже, чем он ожидал. Она не открывается сразу. Иногда приходит отчаяние. Мысль: «я никогда не пойму» - становится почти навязчивой. Но именно это отчаяние и становится поворотной точкой. Он впервые ощущает бесконечность философского знания. И вместе с этим - свою ограниченность. Это злит его и эта злость превращается в мотивацию на то, чтобы однажды понять. В те годы он внимательно слушает лекции профессора философии. Тот замечает его - тихого, молчаливого, но внимательного студента. Под его руководством он пишет первые философские работы. Профессор ещё не знал тогда, что перед ним будущий философ. И сам студент этого не знает.

После окончания института он для практики выбирает самый отдаленный район страны. Работает хирургом в районной больнице. Учится. Ошибается. Достигает. Его окрыляет то, что в условиях районной больницы впервые самостоятельно выполнил резекцию желудка у больного с язвенным кровотечением, резекцию щитовидной железы у больного с зобной болезнью, а также чрескостный остеосинтез аппаратом Илизарова. Триумфом было проведение в его отделении областного семинара по организации хирургической службы.

По сути, он заслужил рекомендацию областного управления здравоохранения для зачисления в клиническую ординатуру по хирургии. Вот-так появляется наука. Далее аспирантура, докторантура, защита кандидатской и докторской диссертации. Теперь его интерес сосредо-

точен на вопросах физиологической хирургии. Он впервые организует Проблемную лабораторию экспериментальной хирургии, создает первую научную школу экспериментаторов. Он углубляется в теорию, экспериментирует, исследует.

В те годы он утверждает два новых патофизиологических феномена: один касается закономерностей регионарного перераспределения циркулирующей крови в организме, а второй – закономерности зональной вентиляции и легочного кровотока. Это было новое слово в клинической физиологии. Но направить материалы для рассмотрения на предмет научного открытия он не решается, а потом и вовсе забывает. Он начинает искать фундаментальные механизмы - не только в организме, но и в человеке как целостности. Он увлечен уже другой идеей - мировоззренческой.

Он помнит эти дни, когда ночами выходил во двор и по долгу смотрел на звёзды и, одновременно - прислушивается внутрь себя. По сути, это было переживание того ощущения, которую когда-то пережил Иммануил Кант – «Меня не перестает удивлять две вещи: «звёздное небо над головой и моральный закон внутри». В те моменты он впервые осознавал: «Вот два бесконечных пространства. И оба - непостижимы». Возможно, тогда в нем разгорается внутренний огонь, который не давал ему покоя. Вот-так, на рубеже веков у него появляются первые записи - философские, методологические, психологические. Он всё меньше оперирует. Всё больше думает. После защиты докторской по философии он окончательно входит в философское поле. Теперь он уже не только учёный, а мыслитель.

Таким образом, состоялся переход. Он уходит в тишину своего замка в горах и именно там начинается самый продуктивный период - он защищает докторскую диссертацию по философии, пишет десятки и сотни книг, отражающих его системы, концепции, теории. Там в тишине и глубокой концентрации он создаёт: дуадную познавательную систему, триадную синтетическую систему, кватро-оценочную систему. Разрабатывает учение о Круге - «Итератизм». Формулирует закономерности. Его, наконец, признают. Но признания не приносят ему удовлетворения. Он создает свой главный проект – учредить Виртуальный Институт Человека как пространство для канализации усилий многих исследователей – философов, социологов, культурологов, психологов, медиков, технарей для исследования феномена «Человек». Сейчас веб-лаборатории работают, идут веб-семинары, конференции, лекции, но не так как хотелось бы основателю. Он работает, создаёт, публикует. Но внутренне остаётся тем же – недоверчивым, закрытым, похожим на дракона, охраняющего сокровища.

Он не скрывает своего разочарования. Книги остаются на полках, смыслы - в тексте. И однажды он решается. Начинает делиться. Публикует серии книг. Десятки. Сотни. Но мир пассивен, не откликается и тогда он задаётся вопросом: Зачем все это? Зачем я гнался за тенями? Он разочарован и уходит в тишину. Закрывается в своём замке. Для внешнего наблюдателя это парадокс - человек, создавший системы, открывший закономерности, уходит в безвестность. Но внутри всё продолжается. Он думает о будущем человека. О трансформации - от биологического к технологическому. О судьбе сознания. О границе между человеком и машиной. Он пишет, публикует, уже не ожидая откликов.

Для всех долгое время оставалась загадкой - вернётся ли он или останется в тишине? Время шло. Он стареет. Статус «профессора, академика, лауреата, заслуженного» теряет значение. Замок «Белый аист» для него становится конечным убежищем. Он - пенсионер. Но одновременно - нечто большее. Кто он? Ответ не однозначен. Возможно, он парадокс, собранный из противоречий. Он - человек, который прошёл через множество форм и не растворился ни в одной. И потому остаётся - в первом ряду ученых, но вне ряда.

Вот-так, если на этапах его жизни доминировало стремление удержаться - в профессии, в системе, в признании, то в определённый момент происходит незаметный, но решающий сдвиг. Он перестаёт удерживаться и начинает выражаться. Это движение нельзя назвать выбором в строгом смысле. Оно не было результатом рационального расчёта. Скорее, это было внутреннее

давление - накопившаяся необходимость сказать то, что невозможно было больше удерживать в себе. Творчество приходит не как украшение жизни, а как её продолжение и одновременно - как спасение.

К этому времени он уже прошёл через несколько форм самоопределения: врач, учёный, исследователь, философ, организатор и популяризатор науки. Каждая из этих ролей оставляла след, но ни одна не давала окончательного ощущения завершённости. Внутри сохранялась напряжённость - неясное чувство, что главное ещё не сделано, что смысл не исчерпан. И тогда появляются тексты, сначала в виде фрагментов, записей, размышлений, почти случайных. Он пишет для себя, не думая о читателе. Пишет, чтобы зафиксировать движение мысли, удержать её от распада.

Письмо становится продолжением мышления. Но постепенно происходит изменение - тексты начинают жить собственной жизнью. Они перестают быть только средством фиксации и становятся пространством, в котором возможно проживание идей, мыслей, суждений. Он начинает строить тексты, как когда-то строил свои внутренние конструкции. Это было как то самое строительство, приобретшее форму собственного замка. Если ранее он возводил «замок» внутри себя, то в те времена этот замок вначале получил очертания на бумаге, а позже в реальности. Так в горах засверкает его замок, напоминающий гнездо пары белых аистов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.